

латъ нѣсколько верстъ, какъ Ономасовъ принялся во время ѣзды учить свою жену уму-разуму и немилосердно хлесталъ ее по щекамъ, изливая потоки самой площадной брани... Екатерина Николаевна, сжавъ зубы, молча переносила муку... Лишь только мужъ прекратилъ рукоприкладство, какъ за несчастную женщину принялась невестка Настасья и, захлебываясь отъ ярости, также била ее по щекамъ до крови.

Приѣхали въ домъ Огибаева. Какъ въ берлогу дикихъ звѣрей, вошла въ него Ономасова... Мужъ съ своей сестрой сорвали свою злобу... Нужно было и свекру-батюшкѣ утолить свою ярость лютой... Схватилъ онъ пойманную бѣглянку и сталъ бить ее по распухшимъ щекамъ, затѣмъ дралъ за волосы «безо всякой пощады». На ночь свекоръ приказалъ невесткѣ остаться съ мужемъ.

На другой день въ домъ Огибаева изъ Коренной ярмарки наѣхала цѣлая компанія: самъ хозяинъ, жена его Аксиныя, тетка Матрена и сестра Марѳа. Аксиныя первымъ дѣломъ изругала Ономасову непристойными словами, а потомъ «щипала избитое и покрытое ранами тѣло страдальцы». Послѣ истязаній мужъ съ родными своими повезъ жену въ свою усадьбу. Тамъ ее посадили въ свинной хлѣвъ и приставили караулъ—днемъ трехъ женщинъ, а на ночь мужчинъ. Прошло нѣсколько дней такимъ образомъ. Наконецъ, явился свекоръ, вывелъ Екатерину Николаевну на свѣтъ Божій и предложилъ ей подписать какую-то «на гербовомъ листѣ» бумагу, не, читая, однако ея содержанія. Измученная женщина имѣла твердость духа и не подписалась.

Тогда начались новыя истязанія... Видя, что физическими мученіями не проймешь непокорной, свекоръ взялся за нравственную пытку.

— Ножницы сюда, ножницы давай!—заоралъ онъ.

Настасья подала ихъ.

Разъяренный старикъ отрѣзалъ косу... Мало того... передавъ невестку въ руки мужа, онъ остригъ ее подъ гребенку и во многихъ мѣстахъ изрѣзалъ до крови кожу на головѣ.

Между тѣмъ, мать Ономасовой подала уѣздному предводителю дворянства жалобу на дѣйствія своего зятя. Предводитель прислалъ къ Ономасовымъ письмо съ требованіемъ, чтобы свекоръ и мужъ явились къ нему для объясненій. Свекоръ написалъ предводителю, что онъ по болѣзни выѣхать изъ своей усадьбы не можетъ, а Ономасовъ, мужъ, вовсе ничего не отвѣчалъ. Онъ свою жену, съ обнаженной остриженной головой, показывалъ «для срама» своимъ же дворовымъ и крестьянамъ, а потомъ попрежнему спровадилъ въ хлѣвъ... Къ ночи нарядили, какъ обыкновенно, мужской караулъ.

Екатерина Николаевна въ хлѣву, на голой землѣ, проводила ночь въ полудремотномъ состояніи... Станный шумъ и чье-то прикосновеніе пробудили ее...